

Леонид МАРЯГИН

Чти отца своего

(Послесловие к фильму «101-й километр»)

Режиссер Леонид Марягин, недавно отметивший 65-летие, принес в «ЭС» свои воспоминания. Воспоминания о юности легли и в основу его фильма «101-й километр». Сейчас Леонид Георгиевич работает над новым проектом — «Здравствуй, столица», второй частью биографической дилогии о 50-60-х годах.

а на третье — пончики с повидлом и компот из сухофруктов. Мои сверстники, дети номенклатурных родителей, знавшие даже размер и рисунок новых купюр задолго (больше, чем за полгода) до денежной реформы 47-го года, паюсную икру за еду не считали и пренебрежительно швыряли ее ложками друг другу в лицо.

В разрешенный родительский день к пионерам прикатали родители на трофейных «опелях» и «кадетах», сверкающих никелем клаксонов и удивляющих выкидными флажками-поворотниками. Я ждал своих родителей дольше остальных, они

добирались паровичком и на попутке. И привезли маленький, с блюдечко, фруктовый торт с цукатами. Во второй приезд отец пообещал на обратном пути, из лагеря в Орехово-Зуево через Москву, сводить меня в ресторан «Аврора», что был на Петровских линиях. Сотрудники официального СОВИНФОРМБЮРО питались по талонам в этом шикарном заведении с хрусталем люстр и мраморными колоннами. Отец полез в карман своего неизменного заносенного уже френча и предъявил мне талоны, которые он копил для обещанного посещения. Посещение состоялось, я,

опять таки впервые, отведал деликатес — консервы «лосось в томате». На том улыбка судьбы закончилась. Отца уволили из СОВИНФОРМБЮРО. Почему? В «кадрах» прошла очередная проверка анкет. И выяснилось, что донецкий журнал «Забой», где отец в двадцатые годы был членом редколлегии, — орган троцкистский. Тут стоит остановиться и оглянуться назад.

На станции Краматорская, что в Донбассе, на улице, что в просторечии звалась «на горище», а по русски — нагорной, по соседству жили два подростка: Боря и Жора. Боря Горбатов был сыном

пекаря, Жора Марягин — квасовара. Оба увлекались литературой, оба поначалу писали стихи. Горбатов, хоть на пару лет и моложе Жоры, был гораздо шустрее и подвижнее, внедрялся в меняющуюся жизнь без оглядки. При первой возможности, заработав, как было принято, «рабочий стаж» на Старо-Краматорском металлургическом заводе, вступил в комсомол. Мой отец там же работал слесарем и младшим металлургом, он спросил приятеля, «зачем тот это сделал?» и получил ответ:

— Не могу без общественной работы, если бы комсомола не было — я бы в БУНД вступил!

Замечу для людей, не изучавших историю ВКП(б): БУНД — еврейская социал-демократическая организация меньшевистского толка, уже тогда, в двадцатые годы, гонимая властью.

Комсомольская прыть Боря охладила дружеское расположение отца. Его возмутило не само вступление, а причина. Вернее — отсутствие идейной причины. Но на заседаниях редколлегии литературно-художественного журнала «Забой», издававшегося в Донбассе, они по-прежнему сидели рядом — их, молодых, подающих надежды, пригласил туда неким старше главный редактор журнала писатель Гриша Баглюк, член ЦК комсомола Украины. Отец овладевал прозой. В «Забое» на украинском языке вышла первая часть его романа «Металлурги». Второй части не было суждено увидеть свет — Баглюк позвал к себе отца, плотно притворил за ним дверь и сказал:

— Меня скоро посадят — журнал считают гнездом троцкизма. Так что ты уезжай куда-нибудь подальше, иначе посадят и тебя, как моего друга.

— Я — не комсомолец даже, — вяло сопротивлялся отец.

— Посадят всех, кто рядом со мной работал.

Перед отъездом отец говорил с Горбатовым, тоже собравшемся уезжать:

— Вот тебе и общественная жизнь в комсомоле, который ты воспева!

Горбатов уехал, не попрощавшись. Спасать себя ему пришлось аж в Арктике, куда недосуг было добираться органам за активным Борей — другом троцкиста.

Баглюка посадили, в лагере в войну он погиб, в пятидесятые — реабилитировали. Вышла даже его книжечка «Легенда о синем зайце». Сын Баглюка, которого когда-то Жора Марягин подбрасывал малюткой к потолку, капитан первого ранга, носивший все время с посадки отца фамилию отчима, — иначе его не допускали бы к секретам флота — пришел к давнему другу отца Марягину советовать, как вернуть себе отцовскую фамилию и при этом не уходить со службы. Судили, рядили, подспудно выясняли. Оказалось — нельзя. Во-первых — скрывал происхождение, а во-вторых — троцкист всегда троцкист.

Как бы там ни было, мой отец в 47-м году оказался за дубовыми дверями старинного особняка СОВИНФОРМБЮРО, что на улице Станиславского. Он попытался подать в суд на неправомерное увольнение, но в суде даже не приняли заявление к рассмотрению: зав. отделом считался лицом начальственным, а дела с на-

чалством — не компетенция суда. Так, во всяком случае, отвечали отцу, и перепрыгнуть этот барьер не хватало сил. Оставался один способ существования — стать журналистом “на вольных хлебах”. Отец, стиснув зубы, не давая воли эмоциям, которые бурлили в нем и выплескивались только на маму и меня, писал ночами, за обеденным столом, соорудив из нескольких слоев газеты раструб вокруг лампочки, отбрасывающий сноп света на скатерть. Я просыпался и видел ореол вздыбленных седеющих волос над его склоненной головой. Утром мама, служившая машинисткой в районной газетке, забирала готовую корреспонденцию и несла к себе на работу перепечатывать. К каждой рукописи прикалывался типографски отпечатанный авторский листок (я зрительно помню его до сих пор), где предпоследним пунктом значилось “место работы”, а последним — “партийность”. Корреспонденции и статьи отца не принимала ни одна московская редакция, хоть и писал он о передовиках-текстильщиках, от которых ломился наш фабричный город: то “почин” Марии Волковой, то “почин” Анны Колесаевой. Удивительно, но отец, уже не мальчик, сорокалетний мужик, прошедший катаклизмы тридцатых годов и фронт, еще верил в торжество справедливости и не сразу понял, что с прочерком в графах “место работы” и “партийность” его, уволенного из официозного СОВИНФОРМБЮРО, печатать не будут. С отчаяния он попросил своего сослуживца по отделу в СОВИНФОРМБЮРО, члена партии Петю Потапова написать частную характеристику. Тот, честный и преданный друг, выдал:

“Характеристика
На Марягина Г.А.

Я, Потапов П.И., член БКП(б), заверяю, что Марягин Г.А. разделяет все положения Программы нашей партии и всегда стремился к их осуществлению.”

Но “заверение”, приложенное к статьям, не помогало — их даже не возвращали, а выбрасывали в корзины.

Жила семья на нищенскую зарплату машинистки. Единственным дополнительным доходом были избирательные списки, их мама с охотой бралась печатать — пять копеек за каждую фамилию! Из офицерской шинели отца мне сшили зимнее пальто, а отец щеголял зимой в черном клеенчатом плаще. Железнодорожная — в шапках “кубанках” — милиция очень внимательно следила за высоким худым типом в хрустящей на морозе клеенке, быстро шагающем вдоль перрона, чтобы согреться в ожидании поезда на Москву. А когда отец пытался делать пометки в блокноте, сидя в холодном прокуренном закутке станции, его забирали и требовали предъявить авторские права.

Встречался отец в ту тяжелую для него пору с соратником Маяковского, самобытным талантом, поэтом Николаем Асеевым. Тот написал отцу посвящение на собственном двухтомнике в память о давних общении в двадцатые, когда приезжал на Украину искать у рабочих поэтов поддержки “Новому ЛЕФу”:

Г.А.Марягину — соратнику,
из давних дней Харькова

возникнувшему снова —
охотнику до яркого
стремительного слова
от Ник. Асеева.

Но ничем другим помочь не смог — не был в милости у режима.

Вынужденная безработица отца длилась не месяц, не два, даже не год. Наконец, терпению и упорству противиться самому наступил предел. Отец смирил гордость, забыл о давней размолвке с Горбатовым. Он сел в паровичек на платформе Крутое, что расположена была на дальнем окончании нашего текстильного города, и двинулся в Москву, на Беговую

хоть издательство было чисто техническое и не издавало никаких других видов литературы, рекомендованный “самим” Горбатовым Марягин сумел увлечь дирекцию предложением выпустить книгу “Исследователи недр Донбасса”. Работа у выходца из этого самого Донбасса пошла, покатила! А поскольку уголь в бассейне реки Донец открыли задолго до революции, у него, наконец-то, отпала необходимость отбраживать передовиков и придумывать философию их творческих порывов. Я тоже оказался участником создания книги. Денег на художника издательство не отпусти-

щее название “Джаз” (борьба с комполитизмом уже шла вовсю, но дорогие конфеты еще залежались на прилавках). Состоялся домашний пир, во время которого пришла телеграмма из Сталинского (так тогда назывался Донецк) издательства с предложением переиздать книгу отца. Это был день триумфа! Отец сходил к знакомым, взял взаймы патефон с пластинкой Вадима Козина и пел с ним в унисон “Люба, Любушка, Любушка-голубушка, я тебя не в силах позабыть...” Обнимал маму и плакал.

Плакал отец в той же комнате, за тем же столом, под

ным боссом этой организации. После проработок писателей с одобрения писательского руководства следовала посадка. Отец плакал от того, что вынужден поддерживать отношения с человеком, участвующим в гонениях.

Но отцовская невезуха не закончилась даже с выходом книги в Сталино. Называлась теперь работа “Открыватели недр Донбасса”. Радостный и возбужденный устремился он в столицу шахтерского края на обсуждение. Как оно проходило, становится ясно из одного абзаца газеты. Прочтите!

“В книге не подчеркнута огромная забота большевистской партии, советского правительства и лично товарища Сталина в развитии угольного Донбасса.... Тем не менее Г. Марягин вел себя на читательской конференции недостойно, не захотел прислушаться к голосу справедливости, заслуженной критики”. (“Социалистический Донбасс”, 27.10.51-го года.)

Вечером в номер гостиницы к отцу явился глава областного МГБ и поинтересовался, когда он собирается уехать. “Завтра”, — ответил отец. “Нет, сегодня. И как можно скорее. Потому что завтра я должен буду вас арестовать”, — возразил чекист. — “Но мне понравилось, как вы вели себя на обсуждении”. Были, оказывается, в органах и такие! Через полчаса отец сидел в общем вагоне поезда и слушал рельсы на стыках “бе-ги, бе-ги, бе-ги”. Больше года оставалось до смерти Сталина.

Остальное о моем отце того периода — в картине “101-й километр”. А дальше? Дальше он нашел в себе силы вернуться к мечте своей юности — стать литератором.

Обнаружились старые товарищи:

“Забой” дал мне много, очень много, и мне всегда приятно услышать товарищей того времени. Вы, я чувствую, успешно работаете. Мих. Слонимский”.

“Дорогой Юрий (это не описка, по украински Юрий, Егор, Георгий — одно имя) Александрович. Поправляйтесь, пожалуйста. Посылаю Вам Зачаровану Десну и Потомки запорожцев. Буду очень рад как можно скорее услышать Вас и увидеть в добром здравии. С глубоким уважением ваш А.Довженко”. (Отец лежал в Склифосовского после жесточайшего инфаркта.)

Появились новые друзья: “Мой дорогой Георгий! Сами понимаете, как мне было приятно получить Ваше письмо.

Спасибо!

И то, что вспомнили обо мне, и добрые слова, и дружелюбие — все это чрезвычайно тронуло мое сердце, чрезвычайно!

Еще раз спасибо, я целую Вас, я жму вашу руку.

Я поправляюсь!

Да процветают Ваши дела! Ваш Ю. К. (Олеша)”

Дела отца налаживались — после 34-летнего перерыва появилась книга в любимом им жанре очерка.

Георгий Марягин. 1926 год. Член редколлегии литературно-художественного журнала “ЗАБОЙ”

улицу, где жил его прежний друг, а тогда уже классик советской литературы Борис Горбатов. Вернувшись домой, с надеждой и радостью рассказывал нам, домочадцам и чаду, как тепло и радостно принял его друг молодости, как пообещал помощь...

Слова Горбатова не разошлись с делом: Борис написал поручительство в Углетехиздат, гарантируя благонадежность отца и свою, если потребуются, редактуру. Поручительство подействовало реальнее, чем характеристика Потапова — с отцом согласились сотрудничать. И

ло, пришлось, сообразно собственным графическим возможностям, рисовать и чертить тушью разрезы шахт, копры, коногенов в лавах. Наконец в 1951 году отец привез из столицы и выложил на стол под лампочку в стеклянном абакжурчике, похожем на перевернутый лафитник, и настолько неказистый, что его не унесли с собой прежние хозяева комнаты, сигнальный экземпляр книги, плоскую бутылку вермута, языковую колбасу — шахматную (начинка клеточками, как шахматная доска) и конфеты с ромом, носившие маня-

той же лампочкой и раньше, но не от радости. Вернулся от Горбатова во время работы над книгой. Шло в стране активное избивание космополитов. Среди писателей — в первую очередь. Анатолий Софронов размахивал разгромным мечом — летели писательские головы. Отец посетовал Гобатову:

— Боря, что этот Софронов творит!

И получил ответ:

— Да, что Софронов! Софронов наш с Костей топор.

Костя — Константин Симон — был тогда главой Московской писательской организации, Горбатов — партий-